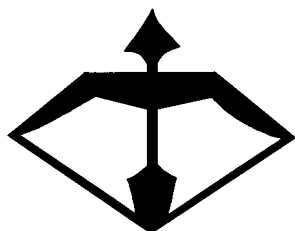

Алик Шасэ

Рязань
Издатель Ситников
2008

Алик Шасэ
Ледж

*Памяти
Мухарбека Акова*

ББК 84

Ш 27

Шасэ, А.

Ш 27 Ледж: повесть-сказка / ред. И. Красногорская;
худож. И. Ситников. – Рязань: Издатель Ситников,
2008. – 96 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-24-8

Эта книга о живших во времена незапамятные героев адыгейского (адыгского) эпоса – славном богатыре Тхагаледже и его подруге прекрасной и мудрой Сатаней. Тхагаледж вознамерился искоренить на земле зло и жестокость. Что из его намерения вышло, читатель (от мала до велика) узнает из этой книги.

ББК 84

ISBN 978-5-902420-24-8

© Издатель Ситников, 2008

© Шасэ А., текст, 2008

© Ситников И.Н., иллюстрации,
оформление обложки, 2008

Великие подвиги бессмертного Леджа

Это произведение похоже на сказку, записанную автором Аликом Шасэ в каком-нибудь адыгском уюге (дворе или селении). Язык абсолютно народен, но не архаичен; обилие адыгейских слов в конце концов не мешает, а ритм и поэтический напев, не говоря уж об увлекательном содержании, так захватывают, что оторваться от чтения невозможно. Это произведение похоже ещё на древнюю балладу, историческую песню, хорошо пересказанную по-русски. Чувствуется далёкая серебряная древность. Алик Шасэ чем-то похож на своего соплеменника и современника Нальби (Нальбия Куека) – выдающегося адыгейского поэта и драматурга, талантом, не боюсь сказать, равного Шекспиру, а вместе они, Нальби и Шасэ, словно вышли из давнего нартского или касожского Времени, когда люди были богатырями и одновременно великими философами и поэтами.

Сцены, представленные Аликом Шасэ, необыкновенно живописны, увлекательны. Вот, например, за полем, в зарослях бузины (баражей) огромная медведица подмяла под себя великана-кабана и вгрызлась ему в хребет. Долгое было побоище. Как в касожские времена между адыгейским богатырём Редедей и русским князем-каганом Мстиславом Владимировичем (XI век). Вот кабан-богатырь ослаб и медведица устала. Вот оба они, победитель и побеждённый, лежат рядом, словно отдыхают. И вдруг кабан острым клыком пропарывает медведице брюхо. Через несколько дней оба они – груды костей, об-

клёванных воронами. Наблюдая сцену борьбы кабана и медведицы, герой сказки богатырь Тхагаледж (возлюбленная богатыря Сатаней зовёт его сокращённо – Ледж) – в жуткой тоске от бесполезной жестокости звериной битвы. Он не может понять смысла деяний всевышнего Господа (Тхашко), сделавшего звериный мир таким беспощадным. Но ведь так же устроен и мир человекoв, и не только во времена убиенного Мстиславом Редеди (адыгейцы до сих пор в подробностях излагают древнюю легенду о том, как Мстислав вытащил похожий на кабаный клык нож-засапожник и вспорол бедному Редеде живот; они даже песню поют: «Ай Рида-Рида, ай Рида-Рида, ай Рида-Рида, Рида-да», давно уже превратившуюся из трагической, слёзной, в весёлую, плясовую...

И как оправдание небесных и земных дел Тхашко – создание им Тхагаледжа, человека уникального, великого, способного осмыслить события и даже переделать мир. Тхагаледж был горазд не только на помысел, но и на благое дело. Ему удалось наладить настоящий мир в живом мире. Наступает союз всего живого на земле, за пределами которого находятся только бесы-уроды (чёрные, злые уды). И сын погибшей медведицы Лабадахэ, и конь богатыря Пахуж, и прирученный волк Шхошхо, и сорока Кандига-канджэ, и лисица Ужашэ, и шакал Цидзо, и даже ничтожный муравьишка Лажекошхо – все они не только приняли провозглашённый по божьей молитве Тхагаледжа мир, но и помогать стали богатырю в его нелёгких работах. Питались только упавшими в пропасть и погибшими существами.

О, эти адыгейские пропасти и ущелья! О, крутые высокие берега бегущих в глубоких каньонах рек. Тропы на таких берегах не проложены, а только обозначены, но по ним легко бегали и медведи, и лани, и нартские девушки легко бегали. И сейчас бегают, только уже не нартские. Но, конечно, бывает так, что и срываются и раньше срывались какие-нибудь упитанные изюбры. Тем и питались друзья Тхагаледжа, а сам богатырь мяса не ел, потому что возделывал просяное поле.

И первым коллективным подвигом зверей и человека стала победа над саранчой, тучами застилавшей

небо и землю, всё пожирившей на своём пути. Казалось бы, здесь что-то не так, ведь и саранча – живое творение Тхашхо. Значит, и с саранчой нужен союз? Оказывается, нет, не нужен. Саранча – беспощадная кара Божья за жестокость и насилие, и победить её может только тот, кто постиг непостижимую мудрость создателя всего живого Тхашхо. Великие нарты, и птицы, и звери, и вся иная живность, вплоть до муравья Лажекошхо, спасли просяные поля. Даже возлюбленная Тхагаледжа прекрасная Сатаней убедилась в своём напрасном неверии в богоугодное дело Леджа.

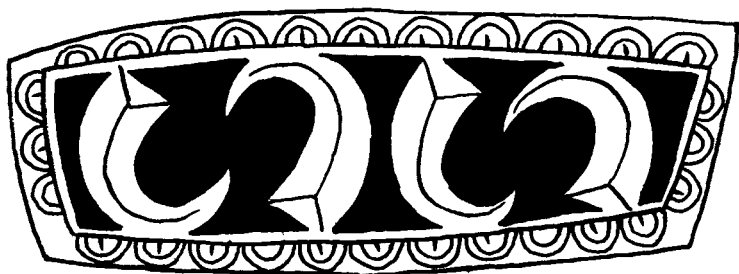
Образ этой волшебной женщины необычен: она словно и не жена Леджа (уходит и живёт одна, когда хочет, даже была женой другого богатыря Бадиноко). Но рождена Сатаней только для Тхагаледжа. И как волшебна она его спасает, исцеляя своим телом (даже не чарами!). А чары – у другой женщины, предводительницы злых духов, у колдуньи Удыж. Лживой своей красотой, подделкой под Сатаней, ради того, чтобы выведать тайну растения хунгаленепц (амброзии), заманивает Удыж Тхагаледжа в свои погубляющие объятия. А с хунгаленепц-амброзией происходит неведомое чудо: это отвратное, несущее смерть растение, возлюбив героя Леджа, превращается само сказочными селекционными способами в дивную, не известную нартам пшеницу (гуодзы). Если такое волшебное превращение произошло, то ведь возможно и обратное: пшеница вновь обретёт свойство хунгаленепц. Так словно и происходит ныне на Адыгейской и всей Краснодарской земле. Но до нынешнего несчастья в сказке Шасэ ещё далеко...

А наш герой Тхагаледж совершает ещё один удивительный и, конечно, сказочный подвиг: он избавляет землю прекрасных нартов от камней-валунов, отнимающих простор у пшеницы и проса. Камни сбрасывают в пропасть и медведи, и волки, и шакалы. Даже сорока Кандига-канджэ и орлица Бгаж, не говоря уж о муравье Лажекошхо, легко толкают валуны туда, где им место, освобождая землю для посева злаков. И, на удивление той же прекрасной Сатаней, нартская земля становится пушистой и щедрой, в то время как на каком-нибудь рус-

ском севере, в Новгородской, например, земле или Тверской, льняные голубые поля и хлебные золотые непременно все с островами камней посредине поля, которые в пропасти сбросить было некому, да и пропастей в этих краях, подобных нартским, никогда не бывало и сейчас пока нет.

Это был последний подвиг Леджа и его многоликого народа: и людей (нартов), и зверей, утративших звериность. А дальше начались игры в подвиги. Нарты так увлеклись бросанием камней, что стали их швырять больше вверх, чем вниз. Что ж, на небе камни были, оказывается, тоже нужны. На землю они возвращались всё реже и реже, а скоро и вовсе перестали возвращаться. А вслед за камнями стали в небо взлетать и сами их метатели, великие богатыри нарты. Их уж нынче на земле не осталось. И таких богатырей, как Тхагаледж, больше не рождается. Нарты взлетали в небо и превращались в звёзды, которые до сих пор горят, призывая людей к добрым делам и подвигам и отвращая их от дел бесполезных (это в лучшем случае!), а чаще – злых, как нейтронные бомбы, или смертоносные растения-мутанты, или болезни, ранее не известные, – вроде СПИД-а. Откуда он взялся? Уж не в пробирках ли мерзких сообщников колдуньи Удыж был он взращён и отпущен на волю! В сказке Алика Шасэ под названием «Ледж» об этом ничего не говорится. Сам читатель такой или другой вывод должен сделать. Да и не сказка это, наверное, а подобное «Слову о полку Игореве» предостережение. Вот так!

*Владимир Руделёв,
доктор филологических наук,
член Союза российских писателей*

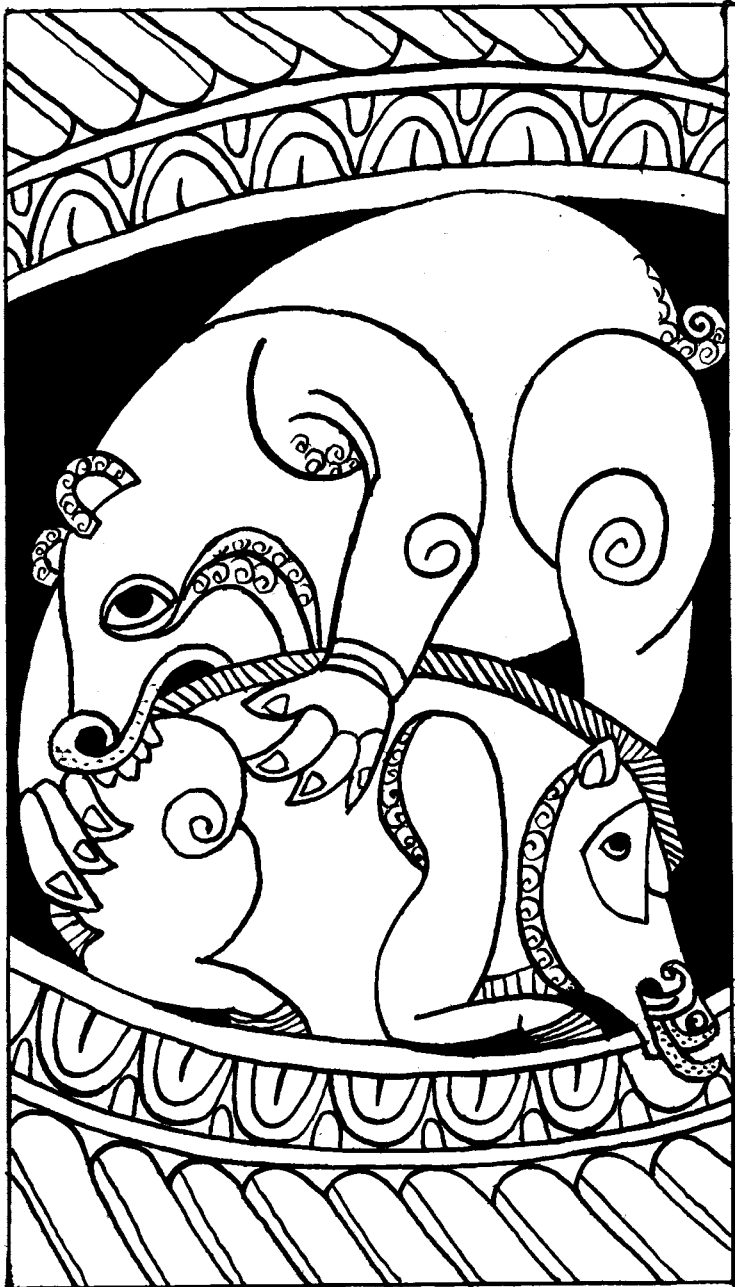

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Давно это было. Очень давно. Может, тысячу лет назад. А то и раньше. Некоторые считают – с незапамятных времён. Жили тогда в горах Уадиша разные боги, волшебники и волшебницы, предки адыгов – славные нарты, среди них богатырь Тхагаледж и прекрасная, мудрая Сатаней.

Однажды вышел на лесную поляну Тхагаледж, услышал сильный грохот. Будто гром грянул. Посмотрел Тхагаледж на небо, огляделся. Небо чистое. Вокруг ничего такого, чтобы так грохотать. Собрался продолжить путь – опять загрохотало, зашумело, затрещало. Послышались рёв, визг. Шли они из-за покрытой ягодами непроглядной баражей – росла на другом конце поляны. Подкрался к ней Тхагаледж, раздвинул ветки...

Огромная медведица облапила кабана, тоже немаленького. Грызла ему хребет, ревели. Кабан визжал. Попытался вырваться, сбросить тяжёлую тушу, ударить её об одно, другое дерево, содрать ветвями колючей акации. Перегораживали поляну поверженные грабы.

Знать, они грохотали. Видно, побоище длилось долго. Кабан ослаб, еле перебирал ногами. Медведица тоже устала: попробуй, удержи секача да побегай за ним на задних лапах. Отпустила она кабана, чтобы дать себе передышку – далеко не уйдёт секач с обглоданной спиной. А тот и не стал уходить. Упал там, где медведица отпустила. Не было у медведицы сил, чтоб прикончить изнемогшую жертву. Плюхнулась рядом с кабаном, тяжело дышала, язык высунула.

Никогда не видел богатырь Тхагаледж, чтобы победитель и побеждённый рядом отдыхали. «Уж не примирил ли их Тхашхо, слава ему! – подумал. – Глядишь, отлежатся и разойдутся в разные стороны».

Но нет, не до лесных тварей было великому богу Тхашхо. Вскочила медведица, напала на кабана сзади. Взревела и рухнула. Подмяла под себя листья граба, ветки акации. Извернулся кабан, ударил острым клыком её в брюхо. Вывалились на листья да ветки деревьев поверженных ало-голубые внутренности...

Недвижимы остались два великана.

Вновь летняя благодать объяла поляну. Успокоились, застрекотали цикады. Закружились над таволгой мотыльки. Заглянул в лиловый колокольчик трудяга-шмель.

Лишь к одному свидетелю поединка не вернулось спокойствие. Тхагаледж воспринял увиденное тяжело. Не мог отрешиться от дум: «Как это, для чего Тхашхо, всевышний, создал лесных жителей столь злобными? Чтобы друг друга убивали? Потом поедали? Жестоко заду-

мал Тхашхо, рассеял по свету злобу, насилие... А иначе как? Чем кормиться волку, шакалу, той же огромной медведице? На корнях да ягодах они не продержатся. Не всем же быть коровами, лосями, изюбрями».

Тхагаледжу и прежде являлись мысли о несовершенстве природы.

Поединок кабана с медведицей лишил его покоя. Такие красивые, такие могучие звери погибли в неистовой злобе.

Оставил зверей лежать на поляне, почти бежал от них. А внутренним взором всё видел разъятое брюхо медведицы, алый хребет секача. Но думал уже не о битве лесных исполинов – о странной природе добра. Как же могло случиться, что добро и насилие – нередко соседи? Бывает, насилие даже – способ достигнуть добра. Останется ли добро добром, если вершит его человек руками по локоть в крови?

Ответ не приходил ему в голову. Решил: «Следует построить пшыа на одном из обдуваемых склонов Уадиша, может, ветер принесёт дельную мысль».

Через несколько дней на своём быстроногом и верном Пахуже приехал Тхагаледж к месту битвы. Туш не было. Вороны обклёвывали оставшиеся кости.

«Нет, – сказал богатырь коню. – Нет в насилиии победителей».

Спешился. Взял обглоданные, обклёванные большие бедренные кости кабана и медведицы, положил в перекидную суму. Пусть служат на поминанием. И отъехал.